новинки издательств
рассказы о писателях
история книг

КНИГА В МОСКВЕ

литературные встречи
библиотеки города
опросы и аналитика

№2

(656)
1 февраля 2012 года

По законам добра и красоты.

Вместо интеллектуализма — изощренное мастерство подачи факта.

Идти наперекор сложившимся обстоятельствам.

поэзия

О родине, любви и природе вещей

Название поэтического сборника **«Тяжесть формы» (издательство «Вече»)** известного языковеда и культуролога, члена-корреспондента РАН **Юрия Воротникова** вступает в оппозицию литературной формуле наших дней: «Невыносимая легкость бытия». И это не игра словами. «Тяжесть формы» в одноименной книге - борьба Космоса и Хаоса, гибельной бесформенности и разумности жизненных форм. Легкость пустоты здесь противостоит нелегкому строительству мироздания - по законам добра и красоты. Формотворчество есть жизнетворчество, тогда как пустота бессмысленна и - «невозможно жить в ней, невозможно»...

Отсюда - сомнение в исходном тезисе... «Но разве формы тяжелы / Для солнца или для пчелы? / Бесформенное - это смерть», - полемически формулирует свое кредо автор в стихотворении, давшем название всему сборнику, - «Тяжесть формы».

Темы и мотивы, составляющие его лирическое пространство, традиционны и просты, в классическом смысле в основном это философская лирика о любви, творчестве и природе вещей, о времени и о себе. Открывающий книгу триптих «Дороги» задает мотив духовного странничества. Пути-дороги скитальцев русской истории неизбывно ведут к святыне родной земли, исконному центру поэтического мира:

Я остановлюсь,
до земли поклонюсь.
На стороны все на четыре
Тебе, моя Родина,
тихая Русь,
Твоей исцеляющей шири.

«Исцеляющая ширь» - такое поэтическое расширение, и спасительное, и обязывающее, составляет суть мироощущения автора. Для него все насыщено потаенными смыслами: и негаданная встреча с пришедшей из прошлого возлюбленной, и белые взрывы весенних деревьев, и замершая в полужесте рука с протянутым букетом. И - пронзительная тревога за старенькую мать, за близких и далеких, молодых и старых: за тех, кому выпали на долю голод, разруха, война, и за тех, кто еще не успел прикоснуться к истории...

Плотность смыслов и подтекстов, отличающая стиль Ю. Воротникова, скорее побуждает автора ставить вопросы, нежели давать четкие ответы. Но поэтическая недосказанность вполне уместна, если за ней - искренность чувств и мыслей. К примеру, в таком мировоззренческом выводе:

Нет, жизнь не такова,
как говорят о ней.
Не знаю, лучше ли.
Но проще. И страшней.

Область «страшного» в сборнике составляет бегучесть времени, опровергающая тезис о надежной недвижности вечности. Вот мальчик бросает камешки в воду, по ней бегут круги, напоминающие циклы человеческой жизни... «Пролетела молодость, / Старость тут как тут, / Нет в помине мальчика, / А круги бегут...» Итак, движение есть все, но оно - бесчеловечно?

Область «лучшего» составляет внезапно насыщенный счастьем миг бытия - нечаянная радость встречи с возвышенным, прекрасным. К примеру, в циклах «Времена года» или «Сонеты», где проявляется умение автора запечатлеть природное состояние как некий «пейзаж души» человеческой. От картины летнего зноя, когда река подобна расплавленному стеклу: «И лодка в ней с заломленным веслом, / Как муха в янтаре, в жаре застыла», - до зимней зарисовки предрождественского ожидания:

Над соснами в алмазных
искрах снега
И над деревней,
ждущей волшебства,
Сверкает Вифлеемская
звезда.

В поэтическом освоении мира, как свидетельствуют такие строки, тяжесть земных форм уступает извечному Чуду Преображения...

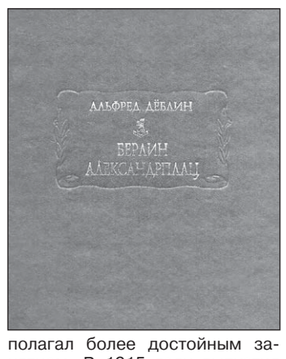
Алла БОЛЬШАКОВА.

Дойти до предела

наследие

Вам знакомо имя **Альфреда Дёблина**? Боюсь, даже далеко не каждый любитель литературы ответит на этот вопрос утвердительно. Но стоит произнести **«БерлинАлександрплац»**, как многие знатоки культуры воскликнут: «Ну, как же! Это же культовый фильм Райнера Вернера Фасбиндера, вышедший в 1980 году». Но даже и они не всегда припомнят, что снят он по роману Дёблина (1878 - 1957). Это самое известное произведение немецкого прозаика и эссеиста, специалисты называют его одним из ключевых романов XX столетия, ставя в один ряд с произведениями Томаса Манна и Германа Гессе. К сожалению, русскому читателю его творчество знакомо мало, хотя и переводилось. Для серии «Литературные памятники» **издательства «Ладомир» и «Наука»** осуществили полный перевод текста произведения, восстановив многочисленные как идеологические, так и случайные купюры. Восстановлен также и графический облик оригинала, чему автор придавал особое художественное значение. Дело в том, что в начале каждой книги романа (а их девять) с самого первого немецкого издания по просьбе Дёблина «зачины» оформлялись в виде блоков, которые визуально должны были напоминать читателю об однотипных берлинских домах.

Творчество любого писателя неизбежно отражает особенности его биографии. Альфред Дёблин родился в Штеттине, рос в бедности и, когда отец оставил семью, вынужден был бросить школу, которую окончил только через несколько лет в Берлине. Потом была учеба на медицинском факультете Берлинского университета, где он получил диплом невропатолога и психиатра. До войны работал врачом в бедных кварталах Берлина, на полях Первой мировой войны был военным врачом. Все эти годы он занимался литературным творчеством, но медицину



полагал более достойным занятием. В 1915 году выпустил сборник рассказов, потом пришла пора романов.

Самый известный роман «БерлинАлександрплац» опубликован в 1929 году. Автор окунает читателя в неспокойную жизнь Берлина 1928 года. Это необычное произведение, своего рода коллаж, калейдоскоп, монтаж. В тексте мелькают названия фильмов, рекламные объявления, выдержки из речи рейхсканцлера Маркса и интерпретация его идей. Партии проводят митинги. Какофония идей, мнений, настроений. «Шум жизни оглушает, - отмечает в блестящей статье Н. С. Павлова «Эпическое начало в романах Альфреда Дёблина». - Отдельные голоса перебивают друг друга, будто кто-то крутит ручку радиоприемника. В информацию о политическом положении в стране врываются спортивные новости, а еще один голос твердит свое о погоде».

Автор бросает вызов своим соратникам по перу, предлагая заменить духовность, интеллектуализм, изощренное мастерство на фрагменты подлинной жизни. В его романах трудно найти описания. «Поток сознания» (как тут не вспомнить Джойса и Пруста, хотя Дёблин с обидой подчеркивал, что не нуждается в заимствованиях) позволяет автору передать смесь из мыслей и чувствований персонажей. «Строй фразы, повторы, прерывистость мысли, спотыкания демонстрируют сопротивление сознания, его неготовность воспринять факт. При этом поток действительности шире «потока сознания» героя», - тонко подмечает Н. С. Павлова, и с ней невозможно не согласиться.

Франц Биберкопф, бывший цементщик и транспортный рабочий «стоял за воротами тюрьмы в Тегеле, на свободе. Вчера еще он копал картошку вон там на огороде вместе с другими, в арестантском платье, а теперь он в желтом летнем пальто; те там продолжают копать, а он свободен. Он пропускал трамвай за трамваем, прислонясь спиной к красной ограде, и не уходил... Итак, страшный момент наступил (страшный, Франц, почему страшный?), четыре года истекли. Черные железные створы ворот, на которые он поглядывал вот уже целый год с возрастающим отвращением (отвращением, почему с отвращением?), захлопнулись за ним. Его снова выставили вон. Там, внутри, сидели остальные, столярничали, что-то лакировали, сортировали, клеили, кому оставалось еще два года, кому пять. А он стоял у остановки трамвая. Наказание начинается».

Так начинается роман. Надо пояснить, что Франц отсидел срок за нечаянное убийство. У него искреннее и благое желание стать другим - порядочным, честным, втянуться в нормальную жизнь, быть добрым. Этот роман многие так и истолковывали: произведение о добром человеке, который меняется под давлением обстоятельств. Да, пока ему было на что существовать, герой оставался добрым, порядочным, но слабым. Жизнь из него, словно из пластилина, стала лепить совсем другой образ. Александрплац заправляет судьбой Франца. Здесь нет промышленных предприятий, процветают мелкая торговля и мелкая буржуазия, проститутки занимаются своим древнейшим ремеслом. Ряды воров и мошенников пополняют безработные. Атмосфера укоренившейся преступности, ставшей предвестником назревавшей в Германии политической катастрофы, привела его в грабительскую шайку. Атмосфера безысходности, цинизма, характерная для тех лет Германии, над которой нависла тень фашизма, прекрасно передана в романе.

А. Дёблин в эссе о своей книге писал: «Работая врачом, я нередко сталкивался с преступниками. Долгие годы я имел возможность наблюдать за ними. Среди них встречалось немало интересных персонажей, достойных того, чтобы поведать о них миру. И поскольку таких персонажей на моем пути было много, у меня сложилась собственная картина общества: получилось, что нет никаких четких границ между преступниками и непреступниками во всех слоях общества, или, лучше сказать, в тех слоях общества, за которыми я наблюдал, повсюду окопались преступники. Одно это открывало особенную перспективу». Франц хочет честно и послушно исполнять законы мира, как он себе его представляет, но у него ничего не выходит. Удар за ударом обрушиваются на него и в конце приканчивают.

В эссе «Эпилог» Альфред Дёблин писал: «Тема «Александрплац» - жертва. На такую мысль должны были бы навести образы скотобойни и принесения в жертву Исаака, а также сквозная цитата: «Есть жнец и имя ему Смерть». «Хороший» Франц Биберкопф с его претензией, что он имеет право на жизнь, до самой смерти не позволяет себя сломить. Однако он не мог не сломаться, он должен был отказаться от борьбы, и не только внешне. Я, правда, и сам не знал, почему это происходит. Факты набрасываются на человека, и упорное сопротивление им ни от чего не спасает».

Франц дошел до предела. Судьба героя предрешена. Обстоятельства оказались сильней. И мы знаем, скольких людей они сломали в Германии в преддверии и во времена фашизма. Однако у читателя остается надежда, достаточно вспомнить слова из романа: «Но я говорю вам: нет оснований отчаиваться. Я уже кое-что знаю, и, быть может, те, кто читает, тоже кой о чем догадываются».

Известно: надежда умирает последней.

Александр ЕГОРУНИН.

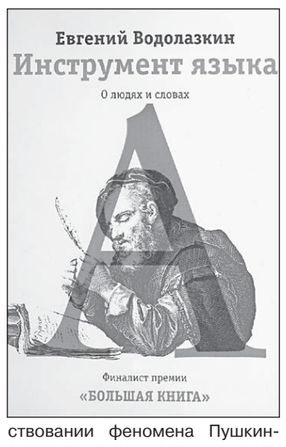
Человек — инструмент языка

исследования

Не язык является инструментом поэта, а поэт является инструментом языка, заключил Иосиф Бродский. Сотрудник Пушкинского дома на Васильевском острове **Евгений Водолазкин** взял соответствующее название своего сборника **«Инструмент языка. О людях и словах» (издательство «Астрель»)**.

Книга состоит из трех частей. В ней встает история страны, как ее может видеть человек наблюдательный и не слишком болезненно отягощенный жаждой славы. И в то же время детали реальности жизни, быта, невыдуманных человеческих отношений служат прежде всего поводом для подведения читателя к какому-то обобщению. Включая феномен Пушкинского дома на Васильевском острове, неразделимый с феноменом академика Лихачева. Роль этого человека стала уникально-необходимой. В том, что он стал «номер один» в списке деятелей науки и культуры, был посредником между ними и властью.

В том, что пишет Водолазкин о Лихачеве, проявляется уникальность этой личности. Большинство людей в очереди за его помощью не заглядывали в его труды по древнерусской литературе. Водолазкин не упустил возможности отметить в существовании феномена Пушкинского дома как «острова» роль Валентины Матвиенко, в те времена секретаря Василеостровского райкома комсомола.



Из-за бессилия высоких специалистов каждому просто умному человеку приходится законы развития мира открывать наново. Любая тема, любой факт становится для автора «Инструмента языка» поводом сформулировать своими словами какой-то из фундаментальных законов эволюции - о пользе невежества, причинах живучести мифа или порождении смысла.

Почему читатель должен принимать заключения автора на веру? В тексте этого нет, но во время презентации книги Е. Водолазкин представил критерии истинности. Один из критериев - опровергаемость. Парадоксально, но это критерий истинности, потому что ни подтвердить, ни опровергнуть нельзя только вещи, которые пишет незнамо кто и незнамо зачем. Текстология, которой занимается Е. Водолазкин, - история текстов, история движения текстов, генеалогия текстов, связь текстов между собой - это почти математика. Там доказательства математические. Хуже дело обстоит с литературоведением более позднего периода, когда порой в монографии по новой литературе входит все что угодно - от автобиографий до вообще неизвестно чего. Вопрос о нравственности в науке, это ее бытование. Проблема доверия к исследователю ключевая. В значительной степени о трудах предшественников Е. Водолазкин судит по степени своего доверия к ним. Вот выводы всегда неполны, это верхушка айсберга. Но этот человек в общем приличный, не придумывает и мотивирован. Это позволяет принимать его слова на веру. Ученые стесняются в этом признаться, но на веру мы принимаем очень многое в науке. Велико влияние моды, интуиции. Интуиция обычно основывается на предыдущем знании.

Наталья ВАКУРОВА, Лев МОСКОВКИН.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВ

«АСТ», «АСТРЕЛЬ»

Солнцева Наталья. Не бойся глубины. Роман. 414 с.

«АСТРЕЛЬ»

Брусникин Анатолий. Беллона. Роман. Серия «Борис Акунин: проект «Авторы». 448 с.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО МЕДИКОВ-ЛИТЕРАТОРОВ

Вместе с Чеховым. 152 с., ил.

«ЭКСМО»

Бубновский Сергей. Жизнь после травмы, или Код здоровья. Серия «Оздоровление по системе доктора Бубновского». 192 с., ил.

Куликова Галина. Штучки-дрючки в Провансе. Роман. Серия «Галина Куликова. Романтическая история». 288 с.

Миронова Наталья. Возраст Суламифи. Роман. 448 с.

Райт Лариса. Плач льва. Роман. Серия «Гармония жизни. Проза Ларисы Райт». 384 с.

Фоер Джонатан Сафран. Мясо. Eating Animals. Перевод с английского Е. Е. Зайцевой. 448 с.

«ЭТНОСФЕРА»

Горячева Юлия. Новая Россия - соотечественники Зарубежья: единое пространство. Вступительная статья В. А. Москвина. 180 с., ил.

«ЯУЗА-ПРЕСС»

Шанель Коко. Жизнь, рассказанная ею самой. Серия «Уникальная автобиография женщины-эпохи». 288 с., ил.

переводы

Двое и ленивый пес

Даниэль Глаттауэр - известный австрийский писатель, избрал своей темой любовь на самом современном уровне общения. Через интернет. Самые обычные люди, обыватели, живут в сказочно красивой Вене. Канун самого прекрасного праздника Рождества, а этим двоим обычным людям все не мило. Ну, не любят они этот праздник, всячески бегут от зимних сказок: кто на Мальдивы под пальму, кто прячется в свою собственную скорлупу, лишь бы не слышать рождественских гимнов, не видеть нарядных елок, не путаться во всех этих носках, набитых дурацкими подарками, и тем более, не дай Бог, встать под эту распроклятую ветку омелы, под которой там, в католической Вене, принято целоваться на праздник...

А вот с поцелуями-то - целая история. Дело в том, что у героя романа **«Рождественский пес» (издательства «Эксмо», «Домино»)** на поцелуи прямо-таки аллергия. Ну, или антипоцелуйная фобия. Макс ненавидит их до тошноты. Впрочем, так-то он, конечно, мужчина нормальный, привлекательный и добрый, пишет для нескольких журналов по договору: где кроссворд составит, где от имени собаки письмецо напишет... Вот эта собачья рубрика, которая и называлась «Лай на ветер», принесла ему большую популярность. Но когда собака Макса Курт отбыла в собачий мир иной, у хозяина иссякло вдохновение, а воображение и вовсе замкнулось на скучных и нравоучительных эпизодах. Пришлось покупать нового Курта породы немецкий дратхаар. Если кто не знает, это такая псина, похожая на угрюмого невыспавшегося мужика в шапке со спущенными ушами. Впрочем, у максовского Курта были красивые блестящие глаза цвета лесного ореха.

Вот эта-то собака и оказалась сущим кладом: не лаяла, не кусала, не грызла мебель и тапки, не требовала решительно ничего, а лишь лежала себе под креслом и могла спать с открытыми глазами даже на прогулке. Что и говорить, не тот источник вдохновения, но именно Курт привел в дом Макса любовь, красивую девушку Катрин, елку с подарками и самое замечательное Рождество, какое только может быть...

В романе Даниэля Глаттауэра так же тепло и уютно, как в самом добром уютном доме. Герои не заняты решением каких-то высоких проблем, их любовь не преодолевает преграды, да, кажется, что ничего особенного не происходит. На самом деле происходит чудо: два одиноких сердца начинают, что называется, биться в унисон, два человека из разряда «не проженишь никак» решают быть вместе, и все это на фоне прелестного старинного парка Эстерхази, засыпанного легким европейским снежком. В воздухе пахнет хвоей, а на площадях Вены - рождественские базары и горячий глинтвейн...

Отправляйтесь смело в эту красивую сказку, полную юмора, доброты и любви.

Елена ПЛАХОВА.

судьбы

Орлеанская дева поэзии

Конечно, Римма Казакова - не Жанна д'Арк, но какие-то черточки орлеанской девы в ней проскальзывали: мужество и бесстрашие, желание идти наперекор обстоятельствам. 27 января исполнилось бы 80 лет со дня ее рождения.

Я с удивлением узнал, что настоящее имя поэтессы не Римма, а Рэмо: Революция, Электрификация, Мировой Октябрь. Так назвал ее отец. Вот уж воистину она - дитя эпохи. Про себя Казакова говорит так: «Комсомолка, спортсменка, красавица». Кроме разве последнего, все было при мне...»

Но что для поэта внешность? Главное - лицо творческое. Оригинальность мысли, изящество стиля, музыкальность строк. Все это, конечно, есть и у Казаковой, но ее как поэта, на мой взгляд, губит некий советский шлейф, который за ней тянется. Впрочем, вот как писала она сама:

Я шагала, как солдат:
Часть массовки, часть народа.
Но чертился наугад
Путь совсем иного рода.
От слепящей темноты,
От казенного усердства
Он увел туда, где ты,
Только ты диктуешь, сердце...

Ах, это сердце!.. Римма Казакова, отвечая на вопрос, как она переживает расставания, ответила: «Я смертельно переживаю. У меня есть стихи: «Моя последняя любовь, заплаканная, нервная, моя последняя любовь - ты первая!» Когда я была моложе, всегда считала - пусть меня лучше обманут, чем я обману. Но сегодня, видимо, «любительное вещество» закончилось... И я прекрасно понимаю, что не юна...»

«Любительное вещество» - неплохо сказано.

Но вернемся к началу.

Детство Римма Казакова провела в Белоруссии, школьные годы - в Ленинграде. Великая Отечественная война застала семью в Ленинграде: блокада, артобстрелы... После эвакуации вернулись в город на Неве.

В 1954 году Казакова закончила исторический факультет ЛГУ. Как признавалась сама поэтесса, «по комсомольской дурости» уехала на Дальний Восток, в Хабаровск, и надолго там застряла.

Я хочу в далекие края.
Не угомонилась ненасытная,
резвая душа моя транзитная.
Что в чужих краях забыла я?..

Застряла, но получился результат. В 1958-м вышла первая книга стихов «Встретимся на Востоке», и Казакову приняли в Союз писателей.

Тайга строга. В тайге не плачут -
Вдали от самых дорогих.
А если плачут, слезы прячут,
Спокойно помня о других...

И вообще, «Я иду и не гнусь - / Подо мною мои прежние травы, / Ничего боюсь. / Мне на это подарено право...» И далее - приехала в Москву, поступила на Высшие литературные курсы при Литературном институте, вышла замуж за писателя Радова. Начала печататься в «Новом мире» и «Юности». Ее учителями стали Михаил Луконин и Евгений Евтушенко, кстати, Казакову в 60-е годы звали «Евтушенко в юбке». У Казаковой было много стихов со словом «дорога» - разъезжала и по стране, и за ее пределами - от Вологды до Токио. Основные темы стихов: дружба, любовь, верность, материнство. В начале ее творческого пути Виктор Боков спросил ее: «Девочка, мне очень нравятся ваши стихи. Но признайтесь, что на вас очень повлияла Марина Цветаева?» Казакова удивленно подняла брови: «А это кто?» Тогда она не знала никакой Цветаевой и писала по-своему. «Люби меня застенчиво», «Быть женщиной - что это значит?..», «Как просто быть счастливой в этом мире!..»

Сборники стихов, преодолевая поэтические муки, выходили один за другим, более 20 книг. Римма Казакова издавалась и выступала наряду с другими кумирами 60-х годов во многих залах и даже на стадионе в Лужниках.

Не боялась? Позднее она признавалась: «Я была неуверенная, робкая, и всю жизнь старалась преодолеть робость в себе. Я считала себя провинциалкой...» Кумиром Риммы Казаковой была Белла Ахмадулина - «красавица, богиня, ангел». Да к тому же всегда эффектно одетая, «хорошо упакованная», как выразилась Казакова. Конечно, она ей завидовала. Но сумела преодолеть это чувство и поняла простую истину: надо быть самой собой. И она стала Риммой Казаковой, совершенно отличный от Ахмадулиной поэтом, со своим внутренним миром, со своим стилем и со своей позицией в литературной тусовке. Когда-то она написала: «Поэзия - мужичье дело, / Воловий труд, соленый пот. / Зачем же Орлеанской Девой / В поэты девочка идет?» Всей своей последующей жизнью Римма Казакова на этот вопрос дала четкий ответ.

Римма Казакова шла своей дорогой. Выступала и как публицист, и как переводчик. В 1976 - 1981 годах работала секретарем правления Союза писателей СССР, организовывала Пушкинские праздники поэзии. В стихах чеканила свое имя. Многие из них стали популярными: «Ненаглядный мой», «Мадонна», «Ариадна», «Дурочка», «Ты меня любишь».

Одна критикесса в восторге написала: «Солнечный, жизнеутверждающий, радостный талант дал Бог Римме Казаковой». Но этот «солнечный и радостный талант» был затенен событиями в стране, развалом Советского Союза и последующими за ним «развеселыми делами».

Законы выживания -
законы вышибания...
Товары отрываются,
карманы открываются...

Будучи натурой общественной, не замкнутой в своем мирке, Римма Казакова в последние годы писала размышлительные и горькие стихи: «...Я наконец-то поняла - / как отрубила, / что многое, чем я жила, / напрасно было... / Во всем какой-то сбой, пробой, / печаль разлада. / И государство, и любовь... / Подумать надо!»

С удивлением смотрела Казакова на молодое поколение, которому, в отличие от старшего, было совсем «не по кайфу ишачить целый день». В «Монологе современной девчонки» декларировалась:

Не хочется учиться,
а хочется гулять,
от музыки тащиться
и глазками стрелять.
Мечтаю не о деле.
Мечта моя проста:
хочу я много денег -
зеленых, как листва...

Римма Казакова удивлялась: она так не могла. Она поступала иначе: «Все ухожу оттуда, где не больно, / и все туда, где больно, прихожу...» И с горечью: «Творю добро, а все не легче...» Жизнь кругом перестраивалась, но от этого легче не становилось. Знаменательно стихотворение Казаковой «Недоверчивое»:

Неужели в самом деле - перестройка?
Все - на фронт, и в кабаке пустеет стойка?..
Неужели вправду умницу - в министры! -
и дозволено на бездарь не молиться?..

Сплошные «неужели» - «И Лубянка без секретов, / и - нет власти без Советов?!..» Перестройка кончилась, и на развалинах былой великой империи возникло нечто новое, явно монструозное:

И куда себя ни день ты,
что себе ты не внуши,
деньги, деньги,
дребеденьги! -
цель и суть твоей души...

И возмущенный крик исторгается из казаковского сердца: «О, жующая столица! / Искореженные лица. / Стадный ужас длится, длится, / хоть в нем пользы ни на грош. / Ты жуешь, жуешь, жуешь...»

Жуют. Жрут. Танцуют. Пляшут. И легко обходятся без всякой культуры, на что Римма Федоровна однажды резко сказала: «Забудьте о нас окончательно. Мы подохнем. Живите без стихов». Сама она так не могла. Она до последних дней не расставалась с поэзией. Возглавляла беднейший Союз писателей Москвы. Про себя говорила: «Я нищая, несчастная бабка, которая доживает свои дни». И еще: «У меня сознание социал-демократическое, и я не понимаю, как можно наслаждаться жизнью, покупать иностранные футбольные команды или демонстрировать свое богатство, когда в стране столько бедных людей!..»

Римма Казакова всегда отличалась прямотой и откровенностью, никаких вуалей, никаких иносказаний - все открытым текстом. О себе рассказывала: «Я была воспитана в мещанской среде. Все эти темы были за семью печатями. Меня учили: умри, но не давай поцелуя не только без любви, но и вообще! Мальчики - это враждебный класс!»

Повзрослев, естественно, Римма Федоровна влюблялась не раз, то в «какого-нибудь идиота», по ее признанию, то в «красивую дубину». «Помню, была влюблена в одного человека, звоню ему, спрашиваю: «Что делаешь?» А он говорит: «Читаю «Анну Каренину». Я подумала: «Сволочь, я его люблю, а он «Анну Каренину» читает...»

Дважды Казакова была замужем, сначала за писателем Георгием Радовым, который был на 17 лет ее старше, затем вышла замуж за врача, и тут другая разница: он был на 10 лет моложе Риммы Федоровны. «У меня было два мужа, - рассказывала Римма Казакова в мае 2005 года. - Один умер, другой «гуляет на воле». Оба они - не совсем «сапоги от моей пары». Но я жизнь за это не корю!»

И еще одно откровение: «Вообще-то я - прирожденная жена. Люблю готовить, люблю сидеть дома. Я вообще считаю, что женщина должна служить мужчине... Я отнюдь не феминистка. Терпеть не могу всех этих эмансипированных штучек и не понимаю, почему в Америке, по рассказам, женщины иногда мужчин достают на тему сексуального приставания. Мне это непонятно. Если ко мне кто пристает, я думаю: ох, как хорошо - еще кому-то нравлюсь!»

Вот уж точно не феминистка!

А старость уже поджидала поэтессу, хотя она и старалась бодриться: «От макушечки до пят / Я пока еще живая...»

Эти звуки режут ухо
мне повсюду.
Не хочу я быть старухой!
И не буду...

Сын, внуки, но в них Казакова не хотела растворяться до конца. Ее мечта: самореализация. В стихотворении «Настроение» она размышляла:

Полагаю, что я ничего не добьюсь,
что напрасны мечты и потуги.
Понимаю, что я не собьюсь, не сопьюсь,
как иные друзья и подруги...

И вопрос к себе: «Так о чем я скулю?» Но при этом болит сердце за страну. «На наших глазах строится государство для весьма богатых людей. Для рядовых же граждан проблемы во всем - с жильем, с работой, с тем, как вырастить детей, с лечением... О духовной жизни никто не заботится. О Тургеневе, Блоке или Бунине как-то даже заикнуться неудобно... Писателей практически лишили профессии, печатают мало, особенно стихов. Платят копейки... Время на дворе коммерциализированное». Короче, «погано живет сейчас поэт».

Вот так болело гражданское сердце Риммы Казаковой.

Душа, как птица раненая, скорчилась,
обязанная каждому и всем.
Приходит слава, а здоровье кончилось.
Но, может быть, еще не насовсем.

Здоровье тоже не оправдало надежд поэта. Она поехала поправить его в подмосковном санатории в поселке Перхушково и... 19 мая 2008 года оторвался тромб.

Римма Федоровна Казакова прожила 76 лет. Удивительно насыщенных. Взволнованных. Драматических. За две недели до смерти она написала строки:

В мире так много разбито, разрушено...
Вместе со всеми плетем жизни кружево
И открываем внезапно в себе:
В играх судьбы мы не станем игрушкою!
Вот наш исток: мы наследники Пушкина.

Скажем за это спасибо судьбе...

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.